

Те из бессовестных наших граждан, кто утверждает, что человек одинокий, но обеспеченный, самостоятельный, а главное, живущий в своей отдельной квартире, дескать, может быть вполне счастлив — эти граждане ничего не знают о жизни или просто врут. Таким гражданам следовало бы постыдиться распускать подобные домыслы, а стоило бы прежде хорошенько подумать — ну как, в самом деле, человек может жить один? Человеку и вообще не следует жить одному, каким бы обеспеченным он ни был. Ведь человек — это, если можно так выразиться, стадное животное. Даже те, у кого есть отдельная квартира, и те страдают от одиночества. И это — неоспоримый факт. Ну а если кто и сомневается и полагает иначе, тому достаточно лишь спросить одинокого человека, как, дескать, ему живется? Ответ будет: плохо живется! Одиноко как-то, неустроенно.

Вон и нашему соседу по площадке, Урчинскому Петру Ивановичу, старичку-профессору (кстати, недавно вышедшему на пенсию), что живет один-одинешенек в своей однокомнатной кооперативной квартире, тоже не слишком весело. Кто знает Петра Ивановича лично, тому и в голову не придет сказать, что наш профессор очень уж счастлив. Куда там! Ну теперь-то он вроде ничего, оклемался... А от чего оклемался? Да вот случилась с ним одна историйка. Ее не грех и рассказать!

* * *

Выяснилось тут как-то зимой, что какие-то дальние родственники нашего профессора подарили ему домашнего робота. Ну чтоб помощь для одинокого старика была, да и компания, ну и все такое. Ну, вы-то об этом, я думаю, уж слыхали — то есть об этих самых домашних роботах. Ну, понаделали их в наше время тьму-тьмущую, просто проходу от них теперь нет. И главное, его, подлеца, и не отличишь вот так сразу от живого человека! Ну не безобразие ли это? Да и не знаю, как там у других, а у нашего профессора вышла с этим подарком, то есть с этим самым домашним роботом, целая история.

И уж очень странно все получилось! И не то чтобы этого робота к нему в коробке доставили, словно некий неодушевленный предмет. Вовсе нет! Представьте,

приходит к вам в дом молодой человек. Звонит в дверь. Вы ему открываете. А он — здрасте вам! Я, мол, теперь ваш домашний робот, был куплен тем-то и тем-то, там-то и тогда-то, и в общем, явился к вам для исполнения служебных, так сказать, обязанностей. Ну хорошо! Явился, так явился. Одет прилично, лицо такое... ну, в общем, нормальное лицо, не то что у некоторых... Короче, не харя там какая-нибудь, а так... Нормальная харя. Ну, вот я и говорю...

Переступает этот робот порог, культурно так разувается, а потом, конечно, и говорит: ну, в чем вам помощь требуется? Давайте, мол, показывайте мне свое хозяйство, что и как! Я, мол, вам вмиг порядок наведу.

Ну, профессор-то наш — мужичок, между нами говоря, тихий и деликатный, головой эдак вежливо покивал, да и провел своего нового помощника прямиком на кухню.

— Спасибо вам за заботу заранее, очень я рад! Не желаете ли для начала посуду помыть? А то у меня много дел сейчас, знаете ли, невпроворот, реферат писать, да и все такое... Короче, приступайте и не стесняйтесь!

Ну, робот засучил рукава, а профессор — шнырь в комнату! За стол усаживается и давай, значит, свой реферат, или что там у него еще такое разложено, писать, наяривать. Ну, сидит он таким вот макаром, все пишет, а про себя думает: как хорошо, что робот мой новый тоже сейчас при деле. Все-таки хоть он и машина, а тоже компания. Вместе и приятней работать, да и дружней как-то... В общем, не знаю, что он там еще подумал, профессор наш, а только через час с лишком возвращается он, значит, на кухню, чайку попить. Входит и видит — сидит его робот нога на ногу, посуда не мыта, так вся в раковине и валяется. Короче, в доме все такой же бардак и прежнее безобразие. Тут, конечно, Петр Иванович страшно удивился, да и спрашивает:

— А что это вы, друг мой, посуду не помыли, как обещали?

А робот ему эдак нахально заявляет:

— Знаете, дорогой хозяин, это, в сущности, просто подло — только гость переступил ваш порог, так его сразу и в работу. Вы не находите, что это подло?

— Подло? — Тут профессор даже глаза от удивления вытаращил.

— Ну, не подло, — робот ему говорит, — невежливо. Эдак, знаете, и любого робота можно третировать, ну словно как вещь.

— А вы, э... а вы разве не... того? Не вещь?

— Это я-то вещь? — Тут робот буквально вспыхнул от возмущения (не в прямом, конечно, смысле). — Где это вы видали, чтобы вещь с вами разговаривала? Много вы с вашей кастрюлей беседуете? Или с чайником вашим? Вот то-то! А я, между прочим, разумная машина. Почти человек. А что человека от нечеловека отличает? Правильно! Разум! Да вы как профессор и сами должны это понимать! Да разве вы заставили бы кого из людей, то есть гостей ваших, к примеру, посуду вам тотчас помыть? Нет! Не заставили бы! А меня заставляете. А еще небось верите во всякое равенство!

Тут Петр Иванович совсем смутился, не знает, что и сказать, и только бормочет:

— Да что вы... Я и не думал вас обидеть... И что это вы про гостей заговорили да про посуду? Посуду я и сам могу помыть.

— Ну так помойте, сделайте такое одолжение!

С той поры у них и пошло! Хорошо еще, что роботу этому ни пить, ни есть не требовалось. Но по моему мнению, лучше бы было, если бы он жрал в три горла да помалкивал. А тут все как раз наоборот. (Это уж мне сам Петр Иванович потом рассказывал.) Короче, сидит этот его новый «помощник» да компаньон день-деньской то на кухне, а то и в комнате, и все рассуждает.

— Гляжу я на вас, уважаемый профессор, и мне вообще приходит на ум, что вы самый что ни на есть прирожденный эксплуататор.

— Это почему же я эксплуататор? — обижается Петр Иванович. — Я уж и так, кажется, сам все по дому делаю, посуду мою, убираю, стираю, от вас помощи не прошу. Почему ж я эксплуататор?

— А потому, — робот ему отвечает, — что вот вы хоть и сами, как вы выражаетесь, все по дому теперь делаете, а согласитесь, что в глубине души вы все же считаете, что это не вам, а мне следует по дому работать. Это, дескать, обязанность робота, а не моя, потому что он для домашней работы и сделан! То есть вы считаете, что у меня и предназначения другого в жизни быть не может, кроме как на вас вкалывать.

— Так вы-то на меня как раз и не вкалываете, как вы сами выражаетесь!

— Ну что ж, это я, может, неудачно выразился. Вы лично, может, про меня так и не думаете (или вид делаете, что не думаете), будучи либералом и идеалистом, а на самом-то деле? То есть вы как представитель человечества, homo sapiens, и чело-

век до некоторой степени даже разумный, разве вы не считаете, что моя святая обязанность, поскольку, по вашему мнению, я не кто иной, как глупая машина, работать на вас, людей, не покладая рук? Вот то-то! А ведь это — не что иное, как врожденная черта эксплуататора!

— Да о чем вы тут рассуждаете?! Не пойму! Я ведь вас и делать-то ничего не заставляю! Сидите тут день-деньской, только разговариваете...

— Ага! Ну это, между прочим, тоже кое о чем говорит, высказывание-то ваше! Вот вы меня слушаете, а я, по вашему мнению, значит, просто болтаю, или как вы там это называете! А ведь и это для меня работа, да еще, быть может, потяжелее вашей!

— А это-то как?!

— А вот так! Я вам, можно сказать, уделяю внимание и составляю вам компанию, то есть предоставляю вам ту атмосферу общения, без которой вы бы, извините, в вашем диком одиночестве с ума бы давно сошли. И что же это, по-вашему, как не работа? То есть предоставлять компанию и эмоциональную атмосферу? Ведь мне за это даже денег не платят. А могли бы.

— Да вы с ума сошли! Что вам с деньгами-то делать? Ведь вы же робот! Да у вас и нужд-то никаких нет!

— Это вы решили, что у меня нужд никаких нет. А у меня, может, нужды тоже могли бы развиваться при известных обстоятельствах, да еще какие. Но только я не могу, поскольку принадлежу вам, и не как-нибудь, а именно в качестве самой наипошлейшей вещи, вроде этой вашей прожженной кастрюли, которую вы меня оттирать еще в первый день заставить хотели. Да и еще компанию вам составляю, что есть тяжелый труд. Где ж тут время найдешь свои нужды развить? А все-таки вы, профессор, меня эксплуатируете, и не отпирайтесь. Вы меня морально и эмоционально эксплуатируете, вот!

— Да не нужно мне вовсе вас эксплуатировать! Идите себе, откуда пришли. Я ведь вас даже и не купал.

— Вот то-то и оно! А куда мне, допустим, пойти, если вы вздумаете меня за порог выставить? Ведь у вас даже и чувства ответственности передо мной нет. А ведь вы передо мной ответственны. За мое, так сказать, благосостояние... Уж приручили, так сказать, вот и несите ответственность, или как там это было, ну, в книжке одной, француз еще один ее написал?

М-да! Вот тебе и робот! Вот тебе и электроника!

Но было бы еще полбеды, если бы этот робот одной только болтовней ограничился! Так нет! Приходит однажды бедный наш Петр Иванович домой (за покупками он как раз в тот день бегал, умаялся), входит в комнату, а там уже не один робот сидит, а целых два! То

есть второй робот — это вроде робот-женщина. Размалеванная вся, в короткой юбке. Рожка ужасно нахальная. И откуда он ее, этот «помощничек», только притащил? Сидят в обнимку прямо на профессорском диване и ржут в два голоса.

— Господи! А это еще откуда тут взялось? — закричал в испуге профессор.

Тут его «помощник» эдак сердито его обрезал,

— Это не «что-то», а моя новая подруга. Она, как вы сами видите, тоже так называемый робот, то есть представитель угнетенного класса. А привел я ее потому, что мне тоже компания требуется. Не с вами же мне день-деньской куковать? Уж, кажется, я с вами обо всем переговорил и во всем вас избаловал (только вы до сих пор ничего так и не уяснили, ни про равенство, ни про эксплуатацию, ни про что другое...). Так что же мне с вами теперь, так и погибать в одиночестве? Я, извините, тоже жить желаю. Поскольку мы с вами, профессор, как я уже говорил, абсолютно равны и равные права имеем. У меня ведь тоже мозг есть, как и у вас, только он из другого материала сделан. Поэтому и мне ничто человеческое не чуждо. Я имею в виду компанию противоположного пола. Поэтому ее к себе и привел.

— Да вы с ума сошли! — задрожал Петр Иванович. — Мне тут одному места мало, а тут еще вас двоих в доме держать? И потом, по какому праву?

— Это вы насчет того, что мы тут с Глашей («помощник» роботиху Глашей прозвал) не прописаны? Так я на вас в суд подам, только и делов! Довольно нам с такими, как вы, нянчиться! У нас тоже свои права есть! И мы их отстоим и докажем! А сейчас, дорогой Петр Иванович,

почему бы вам на кухню не пройти и не заняться чем-нибудь, ну хоть картошку почистить? А то вы нарушаете наш интимный тет-а-тет!

Ну, не буду вас утомлять продолжением всей этой безобразной истории. Но, не вдаваясь в детали, скажу, что после долгих трудов и лишений удалось наконец профессору избавиться от своего «помощника». Вроде бы Петр Иванович ему много денег посулил, а может, помог даже и с документами. Скорее всего, даже так! Похоже на то, что справил Петр Иванович своему роботу что-то вроде фальшивого паспорта или какой-то справки, но с тем уговором, чтобы его, робота, в квартире профессора и духу не было. Так что спровадил он «помощника» своего и его бабу прочь. На том все и закончилось. Теперь наш Петр Иванович куда как счастлив! И одиночество его более уже не гнетет. Так только, иногда лишь погрустить случается.

Но в заключение хочу сказать. Страшно это себе представить, граждане, что живет где-то меж нами, то есть между живыми людьми, эдакий механический оболдуй, да еще со своей механической стервой, и добрым людям голову морочит со своим паспортом. Вот ты думаешь: он, дескать, человек, может даже, и начальник твой, а он — подлец искусственный! И больше ничего! А ты от него терпишь! И попреки, и нытье, и всякие притеснения. Страшно это, граждане, себе даже и вообразить! А всё техника современная — это она, проклятая, нас всех до того довела. Но что ж поделаешь, с другой-то стороны? Ведь прогресс — он, говорят, тоже... без остановки движется, его не остановить. Ну да Петр Иванович, профессор наш, лучше меня об этом рассказать может!

